

гут принадлежать предшественнику Ярослава Мудрого на новгородском столе Вышеславу, христианское имя которого летописцам не известно¹⁶.

Между тем оба предположения не могут быть признаны сколько-нибудь удовлетворительными. Отнесение рассматриваемых булл в конец X или в первую треть XI в. противоречит всем изложенным выше наблюдениям о времени формирования на Руси сфрагистического типа с изображением святого и греческой строчной надписью. Как уже показано в предыдущих главах, в княжеской сфрагистике этот тип водворяется лишь с середины XI в. и характерен для второй половины XI — начала XII в. Что касается частного вопроса о якобы существовавшей вакансии на новгородский стол между 1020 и 1033 гг., то эта проблема, по-видимому, решается иначе. Противоречия в летописных показаниях позволяют предполагать, что княжение Ильи в действительности продолжалось с 1030 по 1034 г., начавшись после опалы посадника Коснятина в 1030 г., а Владимир непосредственно наследовал Илье в 1034 г.¹⁷

С того момента, когда Н. П. Лихачев последний раз комментировал печати Евстафия, минуло 30 лет. Количество булл протопроедра Евстафия с тех пор удвоилось. Сейчас их известно 14. Все новые находки происходят из Новгорода и Новгородской земли (одна печать найдена в Старой Ладоге) за единственным исключением. В 1958 или 1959 г. булла Евстафия впервые была найдена на юге — в Белгородке под Киевом¹⁸. Разумеется, это единственное исключение ни в малейшей степени не может изменить общей картины, которая определяется тем, что 13 булл Евстафия найдены в Новгороде или в непосредственной близости к нему.

Атрибуция булл Евстафия, на наш взгляд, должна опираться на типические особенности рассматриваемых памятников, а эти особенности проистекают из своеобразия того положения, в котором находился владелец печатей протопроедр Евстафий, бывший, судя по его титулу, советником какого-то другого, более высокопоставленного лица. Нам уже довелось знакомиться с типическими особенностями булл другого протопроедра — митрополита Ефрема, который был советником патриарха

Михаила. Взаимоотношения этих двух лиц на булле митрополита были выражены взаимоисключающим сочетанием имени и изображения. Надпись печати называла ее владельцем митрополита Ефрема, однако на обороте буллы был изображен не Ефрем, а Михаил, т. е. лицо, чьим протопроедром являлся митрополит Ефрем.

Такое же взаимоисключающее сочетание имеется и на печатях Евстафия. Их легенда называет Евстафия владельцем буллы, однако на обороте печати нет изображения св. Евстафия, а есть изображение св. Феодора, патрона, не владельца печати, а совершенно другого лица. Даже не привлекая аналогию с печатями митрополита Ефрема, а опираясь на чисто логический вывод, можно с уверенностью утверждать, что Евстафий был советником или протопроедром какого-то человека, которого в крещении звали Феодором.

Был ли владелец печати духовным лицом? Постановка такого вопроса правомерна, поскольку до сих пор мы видели, что титул протопроедра или проедра освоен в сфрагистике киевских митрополитов. На этот вопрос можно ответить только отрицательно. В самом деле, если мы допустим, что булла выражает зависимость какого-то местного епископа от митрополита, то обнаружим, что единственным Феодором на киевской кафедре был митрополит 1160—1163 гг., современником которого в Новгороде оказывается епископ Аркадий. С другой стороны, среди новгородских владык не было ни одного с именем Евстафий. Отсутствие в Новгороде епископов с таким именем исключает и второе возможное предположение, якобы Евстафий мог быть новгородским владыкой — современником некоего князя Феодора и его протопроедром. Искать владельца буллы Евстафия нужно среди лиц, принадлежавших к высшей светской администрации Новгорода.

Указание на время печати содержится в изображении св. Феодора. Это христианское имя в Новгороде на протяжении XI — первой половины XII в. носил только один князь — сын Владимира Мономаха Мстислав Великий, которому новгородский стол принадлежал дважды: с конца 1088 до начала 1094 г. и с начала 1096 до 17 марта 1117 г.¹⁹ Феодором Мстислав Владимирович назван в Мстиславовом евангелии и в Хождении игумена Даниила²⁰.

¹⁶ Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, № 444, комментарий к табл. XXIV, 3.

¹⁷ В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 48—49.

¹⁸ Пользуемся случаем выразить сердечную благодарность В. Н. Даняленке за присылку слепка с этой очень важной печати.

¹⁹ В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 50—51.
²⁰ «Мстиславо евангелие начала XII века в археологическом и палеографическом отношении». СПб., 1904; «Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII в.». СПб., 1864, стр. 162 и сл.